Олег Гайдук

СТЕНДАП-КОМИК

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Олег Гайдук
Стендап-комик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73465358
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцатилетний студент Даня Волошин – закомплексованный неудачник, живущий с матерью и не видящий перспектив в будущем. Его единственная отдушина – стендап-комедия. Даня мечтает стать хорошим комиком, прославиться и заработать много денег. Однако его выступления на открытых микрофонах проваливаются одно за другим. Случай приводит Даню в тусовку неформатных комиков. Вместе они начинают делать шоу, которое кардинально меняет его жизнь.

Первый художественный роман о стендап-комиках в России.

Жесткая, ироничная и честная история о взрослении и закулисье стендап-комедии.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 61

Олег Гайдук
Стендап-комик

Все имена и события вымышлены,
любые совпадения случайны

Глава 1

Я стоял на сцене перед зрителями в душном баре и держал дрожащими руками микрофон.

– Все же ходили на свидания зимой, народ? Полная хрень! На улице – холод собачий, и надо вести девушку в кафе или еще куда-то, чтаобы вы не околели. Плюс ты приходишь на свидание в шапке, а в шапке любой человек выглядит убого! Даже суперкрасивая девушка. А мужчина в шапке может произвести впечатление только на свою мать!

Тишина.

Я сглотнул набухший в горле ком и ощутил, как краска бросилась в лицо. На сцене я стоял уже больше минуты, и за это время из зала не донеслось ни одного смешка.

– А вы обращали внимание, что сильные женщины становятся сильными… после того, как их бросит мужик? – снова обратился я к зрителям дрожащим голосом. – Они такие: «Боже, я теперь одна! Что делать? Буду сильной!»

Никакой реакции. Тишина в зале была настолько вязкой

и густой, что я (клянусь!) услышал, как хрустит листьями салата девушка за первым столиком.

Свет неоновых ламп выхватывал из полутьмы скучающие лица, и я четко видел каждого, кто наблюдал за моим позором.

В первом ряду девушка с каштановыми волосами в элегантном красном платье лениво помешивала трубочкой коктейль в полупустом бокале.

Рядом расположились два парня в помятых рубашках, с грязными волосами до плеч и отрешенными лицами. Пока я выступал, они уткнулись в смартфоны и ни разу не подняли взгляд на сцену.

Чуть поодаль за столиком шумела компания белых воротничков: ребята что-то обсуждали шепотом, чокались и выпивали, словно пришли не на стендап, а отметить чей-то день рождения.

У выхода за столиком в полном одиночестве сидел старик с двумя пустыми бокалами пива. Он смотрел на сцену замутненным взглядом и казалось, что вот-вот уснет.

Внимательно слушал меня только один человек в баре: мой друг Кирыч, который сидел в первом ряду, слева от зрительницы в красном платье. Но даже на лице у Кирыча сейчас читалась жалость и неловкость.

– А еще трамваи! Замечали, что трамваи?..

Тишина.

– Таксисты…

Снова мимо. Что бы я ни говорил, все мои реплики тонули в тишине, и мне хотелось провалиться. Блин! Хоть бы одна скотина улыбнулась!

Очень скоро в конце зала загорелся фонарик, и я вернул микрофон на стойку.

– Спасибо… у меня все.

Сгорая от стыда, я не ушел – сбежал со сцены.

***

– Извини, но это откровенный мусор, – сказал Армен. – Выбрось нафиг все, что написал!

Мы сидели за столиком с хозяином «Стендап-бара» в опустевшем заведении. Гости уже разошлись. Официанты собирали со столиков грязные тарелки и бокалы.

– Как? А бит про шапку? Вроде бы забавно вышло.

– Это мусор!

Я вздохнул.

– Может, поможешь мне? Объяснишь, как написать шутку, которая будет работать? Или подкинешь интересную тему?

Армен посмотрел на меня со смесью усталости и раздражения, как учитель, потерявший всякое терпение, смотрит на бестолкового ученика.

– Братан, я не могу научить тебя шутить. Это либо есть, либо нет. Подумай, что тебя волнует больше всего в жизни.

Вот об этом и шути.

Армен сидел за столиком, раскинув руки на столе, и, казалось, заполнял собой все свободное пространство. У него был крупный орлиный нос, на лысой голове блестела испарина, одутловатые щеки покрывала серебристая щетина. Армен был одет в черный спортивный костюм, под которым проглядывало внушительное пузо. И хотя с виду это был уставший мужик за сорок, в нем ощущалась несокрушимая внутренняя сила.

В девяностых и в начале нулевых он часто мелькал на телеэкранах: играл в КВН, показывал миниатюры, читал с листа шутки, когда этот формат еще был свеж и не затаскан. Теперь Армен владел собственным комедийным клубом в городе и, как отставной генерал, пестовал молодых юмористов, безжалостно отсекая тех, в ком не чувствовал того самого «огонька».

Хозяин «Стендап-бара» взял со столика айфон, и его пальцы забегали по экрану. Потом он протянул телефон мне, и я увидел на дисплее красную книгу с крупно выделенным черным цветом словосочетанием «Stand Up» на обложке.

– И еще «Библию комедии» Джуди Картер обязательно прочти. Она подробно объясняет в книге, как писать стендап.

Армен допил пиво и опустил на стол пустой бокал. Его сразу же подхватил официант, который проходил мимо нашего столика.

– Сколько ты уже выступаешь? – спросил Армен после недолгой паузы.

– Сегодня двадцатое выступление было.

– Вот когда выступишь СТО двадцать раз, тогда поймешь, твое это или нет. А пока я не могу выпустить тебя на одну сцену с опытными комиками. Ты нам весь вечер испортишь своей банальщиной про шапки и сильных женщин. Ты уж не обижайся на меня, Денис.

– Я – Даня.

– Даня, Ваня… Мне без разницы. Больше пиши и чаще выступай – это единственный совет, который я могу тебе дать.

Армен сунул в рот пластиковый мундштук электронной сигареты и, крепко затянувшись, выдохнул струю густого дыма. Я поморщился от персикового запаха и начал кашлять.

– Понимаешь, я готовлю комиков для телевизионных проектов. У меня талантливые ребята могут состояться как комики, и я создаю для этого все условия. А ты…

Армен в раздумье отвел взгляд в сторону, как будто подбирал слова, чтобы не обидеть меня.

– Ты пока что не дотягиваешь. Мягко говоря!

Он снова затянулся. И вновь меня окутал сладковатый густой дым. Горло сжало спазмом, в глазах выступили слезы.

– …тебе пока даже на кастинги идти нет смысла, честно говоря. Учись, работай над собой. Не знаю… пообщайся с

опытными комиками, у которых уже есть телеэфиры. Может, они что-то толковое подскажут.

Я громко чихнул, прикрыв лицо ладонями. Армен поморщился и встал из-за стола.

– Они собираются в «Кофемании» «разгонять» шутки каждый вторник в семь вечера, – сказал он и повернулся в сторону выхода. – Можешь там их выловить и попросить помочь. И хватит выходить на сцену в этой идиотской шапке! Ты в ней как придурок выглядишь!

***

Выйдя из бара, я начал обшаривать карманы и с досадой обнаружил, что забыл взять носовой платок. Охранник у входа, заметив мои метания, любезно протянул влажную салфетку. Я вытер распухшее от аллергии лицо. От любого табачного дыма у меня закладывало нос, я сразу покрывался сыпью и начинал чесаться. Поэтому компании курящих я всегда старался избегать.

Я отошел подальше к автобусной остановке, чтобы не встречаться с выходящими из бара зрителями. От злости и обиды у меня щипало в носу. А на кого мне злиться, собственно? На Армена, который совершенно справедливо разнес мое выступление в щепки? Или на зрителей, которые опять молчали все то время, что я был на сцене?

На улице был поздний вечер. Я сел на скамью под стек-

лянным навесом и стал ждать Кирыча, который задерживался в баре. Середина марта выдалась на редкость холодной. Небо сеяло колкую изморось. Я съежился от пронизывающе холодного ветра и застегнул молнию на куртке до самой шеи. Хотелось снять ремень и повеситься прямо на остановке. Вот как их рассмешить? Как выцарапать хоть один смешок из этой равнодушной публики?!

Уже два месяца я выступаю в «Стендап-баре» среди аутсайдеров юмора в полнейшую тишину. Кроме меня, на сцену сегодня выходило еще пятнадцать комиков, и мое выступление казалось мне самым провальным.

По понедельникам в «Стендап-баре» проводили открытые микрофоны для новичков. В остальные дни проверить шутки приходили опытные комики. Те, у которых были выступления на телевизионных шоу или свои концерты на «ютюбе». На опытных комиков всегда собиралось много народу. Выступающие разжигали смех в холодном зале без особого труда, а я всегда уходил со сцены, как оплеванный, и чувствовал себя ничтожеством.

Наконец из бара вышел Кирыч. Он поднял черный зонт над головой и поспешил ко мне. Кирыч идеально сочетал в себе внешность аспиранта-ботаника, широкие плечи бывшего гимнаста, уверенную осанку и спокойный взгляд человека, который знает себе цену и может дать в челюсть, если потребуется. Очки в черной оправе съехали на кончик носа, темные волосы были влажные и слегка взъерошенные, будто

Кирыч умывался в баре. Этот образ рассеянного интеллектуала довершало элегантное серое пальто и небрежно повязанный фиолетовый шарф.

Кирыч подошел ко мне и развел руками.

– Ну…

– Де дада! Я и сам все здаю! – сказал я, потирая салфеткой заложенный распухший нос.

Кирыч потоптался на месте, потом сел рядом со мной. Повисла пауза. Он был из тех людей, кто рубит правду-матку прямо в лицо, какой бы горькой она ни была. Но сейчас, видимо, решил, меня пожалеть – слишком уж подавленным я выглядел.

– Ладно, не раскисай. В следующий раз напишешь что-нибудь смешное. Когда мне, кстати, надо снова приходить?

Я отмахнулся, глядя на свои испачканные в грязь потертые серые кеды. Дышать после прокуренного зала «Стендап-бара» стало чуть полегче. Я втянул грудью прогорклый воздух и стал молча наблюдать за рассекающими по дороге иномарками.

Чтобы выступать на открытых микрофонах у Армена, комику-новичку нужно было приводить с собой одного гостя. Или платить взнос – пятьсот рублей за выступление. Такие были правила. Выступать без гостей могли только опытные комики с ТВ-эфирами, потому что на их выступления зрители всегда раскупали билеты. А новичков никто не хотел слушать даже задаром. Поэтому таким, как я, приходилось

искать публику самому.

Кирыч – храни его Господь! – приходил на каждый мой открытый микрофон. Он терпеть не мог слушать местных комиков, но как лучший друг сопровождал меня на каждом выступлении и стойко высиживал от начала до конца.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – Сев под навес автобусной остановки, Кирыч закрыл зонт и положил его на скамью. – Мне кажется, что в твоих монологах не хватает боли.

– В смысле?

– Ну, смотри. Все эти комики, которых мы сегодня видели на сцене, безнадежные чмошники. Во всяком случае, по их рассказам складывается такое впечатление. Девушки им не дают, работа – полное говно. Их жизнь – сплошная боль! А ты…

Кирыч смерил меня оценивающим взглядом, словно увидел впервые в жизни, и вынес неутешительный вердикт:

– …ты просто хороший мальчик. Кто будет смеяться над таким?

Я пожал плечами.

– А еще на сцену очень часто выходят откровенные психи и творят такую дичь, что хочется вызвать им «скорую». Я как-то был с одной подругой на стендапе в другом баре. Какой-то идиот на сцене вытащил из рюкзака женские трусики, обмазанные шоколадом, и начал этот шоколад слизывать. Прямо с трусов! Я чуть лицо себе ладонью не разбил!

Я моментально представил себе этот сомнительный пер-

фоманс – и поморщился.

– И таких придурков в комедии – до фига и больше! Тот, что с трусами, был уверен, что его номер офигеть какой смешной! А в зале люди пивом подавились!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что в юморе часто выигрывают либо фрики, либо лузеры. Посмотри, сколько толстых, кривоногих, косых и просто некрасивых людей выходили сегодня на сцену. Как психолог говорю тебе: они все глубоко несчастны! Потому и лезут в этот ваш стендап, чтоб компенсировать свою убогость!

Я скомкал грязную салфетку и плавным броском отправил ее в урну.

– Злой ты.

– Я просто всегда трезво смотрю на вещи, – сказал Кирыч.

– То есть, чтобы делать хорошую комедию, мне надо стать несчастным?

– Настолько, насколько это возможно, бро.

Я кисло улыбнулся.

– Впрочем, ты уже сейчас к этому близок, – сказал Кирыч. – Тебя гнобили в школе, девушки ни разу не было, папаня твой сбежал от матери, когда ты был еще совсем младенцем…

– Хватит.

– Ты воспитан женщиной, а значит – робкий, мягкотелый, склонный угождать…

– Завязывай!

– …а после универа ты, скорее всего, пойдешь учителем работать. Потому что, а куда еще с такой профессией, с таким характером?

– Заткнись!

– Ты будешь очень бедным, никому не нужным…

Я скрипнул зубами и взорвался:

– Да пошел ты в жопу! Зато я не впариваю людям всякие сомнительные бизнес-тренинги и «Марафоны счастья»!

– Кирилл?

Неожиданно возле нас нарисовалась девушка в красном платье – та самая красотка с каштановыми волосами, которую я приметил в зале со сцены. Незнакомка вопросительно посмотрела на Кирыча. Мой друг вскочил со скамьи и натянуто улыбнулся.

– Даня, познакомься, это Настя. Настя, это – Даня. Мой друг детства. Подожди, пожалуйста, возле «Магнита», я уже такси нам заказал.

Кирыч вручил ей свой зонт. Девушка по имени Настя кивнула и отошла от нас в сторону гипермаркета. Кирыч улыбнулся ей вслед, а когда повернулся ко мне, улыбка на его лице застыла злой гримасой.

– Идиот! Я же помочь хотел!

– В жопу пошел! – прошипел я.

– Какой вообще у тебя план с этим твоим стендапом? Нафига ты этим занимаешься? – спросил Кирыч, сбавив тон.

– Ну, для начала я хочу бы попасть в «Открытый микро-

фон» или «Камеди баттл» на ТНТ. А в перспективе – записать сольный концерт, – ответил я.

Кирыч вздохнул.

– А ты не мог найти себе в жизни занятие попроще? Си Плюс-Плюс освоить, например? Дизайн? Машины научиться ремонтировать? В биткоин, прости господи, вложиться? Явно больше шансов заработать, чем комедией!

Я смерил Кирыча мрачным взглядом, и он махнул рукой.

– Чтобы создавать хорошую комедию, тебе нужен жизненный опыт и желательно негативный. Говорю тебе: у комиков полно проблем, их жизнь – дерьмо! А тебе на что жаловаться? Живешь с мамой, одет, обут, накормлен и в целом ни о чем не паришься. Учишься не в самом плохом вузе города. Бесплатно. И о чем тебе шутить? Где боль?!

Я посмотрел на Кирыча и не нашелся, что ответить. Несмотря на то, что мой друг совершенно не умел подбирать слова и очень часто обижал меня своей неандертальской прямотой, в общем и целом, он был прав.

– Тебе нужно поесть говна, без этого никак! – резюмировал друг. – Живи, смотри вокруг, набирайся впечатлений. Не знаю… в армию сходи, в качалку запишись, напейся, подерись, в конце концов! Может, что-нибудь толковое напишешь на основе пережитого.

Утомившись от разговора, Кирыч поднялся со скамьи и бросил взгляд в сторону стоящей возле гипермаркета красотки.

– Или с девушкой хотя бы познакомься. Но боюсь, что для тебя это страшнее, чем на сцену выходить.

– Спасибо, бро. Что бы я делал без тебя.

Кирыч вдохнул и положил ладонь мне на плечо.

– Ладно, прости. Я не со зла. Просто я сам уже запарился ходить к тебе на выступления и слушать тишину.

Кирыч похлопал меня по плечу и удалился к новой знакомой. Я не стал запоминать ее имя, потому что даже Кирыч уже завтра его не вспомнит. Какое-то время новоиспеченная парочка о чем-то мило болтала возле входа в магазин. Потом подъехало такси, и Кирыч с девушкой уехали.

Глава 2

Как ни странно, Кирыч мне действительно помог. Его циничная прямота вызвала во мне такую обиду и такую искреннюю злость, что это чувство стало топливом для моего творчества. За ночь я настрочил еще одну страницу новых шуток. Их я собирался показать сегодня в «Кофемании» опытным комикам.

Я не то, чтобы горел желанием послушать их советы. Мне, скорее, очень хотелось влиться в комедийную тусовку «Стендап-бара». Стать что называется своим. Писать шутки в одиночку и глотать пыль после каждого провала на сцене

было невыносимо. Мне нужна была поддержка тех, кто знает эту кухню изнутри, кто понимает эту боль и с кем я мог бы разделить все тяготы начинающего комика.

Перед походом в «Кофеманию» мне предстояло провести в весь день университете. Я сидел на паре по английской литературе и, спрятавшись за спины однокурсников, смотрел в наушниках на смартфоне последний выпуск «Открытого микрофона» на ТНТ. После бессонной ночи голова была, словно чугунная. Глаза слипались, и сосредоточиться на чем-либо еще мне было крайне трудно.

В «Открытом микрофоне» выступали комики из разных городов, и мне нравилось представлять, что когда-нибудь я окажусь на месте этих счастливцев. Соберу свои десять минут «беста» и покорю членов жюри и зрителей своим юмором. А потом буду давать концерты в разных городах и собирать полные залы!

От мечтаний меня отвлекла внезапно выросшая тень над моим столом. Я оторвался от смартфона, вскинув голову. Передо мной в поношенном твидовом пиджаке стоял преподаватель по английской литературе Оскар Петрович. Это был пожилой мужчина с щеточкой седых усов под носом и зачесанными на бок волосами. Толстые стекла больших круглых очков так сильно искажали его лицо, что оно казалось немного раздутым, как отражение в дверном глазке.

Я быстро вынул из ушей наушники и спрятал телефон в карман джинсов, чувствуя спиной любопытные взгляды со-

курсников.

– Волошин, вам совсем неинтересно? – Оскар Петрович посмотрел на меня с холодным любопытством. – Или Энтони Берджесс для вас не самый выдающийся писатель, чтобы вы почтили его своим вниманием?

Он поднял книгу с моей парты и стал с любопытством разглядывать красную обложку.

– Джуди Картер, «Библия комедии». Чем только ни занимались студенты на моих парах, но Библию еще никто не читал.

По аудитории прокатились редкие смешки.

– Простите, – сказал я.

– Вы всерьез хотите заниматься юмором, Волошин? Нравится рассказывать пошлятину со сцены?

– Почему сразу пошлятину? Мы разное рассказываем.

Оскар Петрович не сказал ни слова. Он пролистывал «Библию комедии», останавливаясь взглядом на некоторых страницах, будто нашел для себя что-то интересное. Потом вернул книгу на парту и сказал:

– «Юмор – это жизнь. Это состояние. Это не шутки. Это искры в глазах. Это влюбленность в собеседника и готовность рассмеяться до слез…». Знаете, чьи это слова, Волошин?

Я покачал головой.

– Жванецкий. У него был действительно острый ум, а в монологах попадались довольно интересные мысли. Вот это

было настоящее искусство. А сейчас…

Оскар Петрович сделал паузу, затем снял очки и устало потер переносицу, оставив на ней два красных пятна. Его взгляд стал усталым и беспомощным.

– Десятки, если не сотни молодых ребят без жизненного опыта выходят на сцену и рассказывают про трусы и задницу! Потому что могут найти смешное только в этом. А на большее у них не хватает ни ума, ни таланта.

По аудитории пронесся приглушенный гул. После отповеди преподавателя оживились даже самые сонные студенты. Я заметил краем глаза, что на меня смотрит еще больше народу.

В язвительности Оскара Петровича сквозила какая-то личная, выстраданная обида. Словно он и сам когда-то пытался шутить со сцены – и был освистан.

– Если у вас получится, Волошин, шутить лучше, чем все эти юмористы, я буду только рад, – сказал Оскар Петрович, не дожидаясь моего ответа. – Но для начала я бы посоветовал вам закончить университет и найти нормальную работу. Зарабатывать только творчеством в этой стране практически невозможно.

– Как и работая учителем! – выкрикнул кто-то в аудитории, и смешки переросли в хохот.

Оскар Петрович вернулся к проекторной доске. Еще недолго я ловил на себе взгляды однокурсников и слышал перешептывания. Потом преподаватель снова завладел вни-

манием студентов и продолжил лекцию о Берджессе.

Ну зашибись! Теперь придется отвечать на идиотские вопросы однокурсников: а что, ты правда занимаешься стендапом? А где можно увидеть твое выступление? А расскажи какую-нибудь шутку!

До конца пары я сидел за партой, втянув голову в плечи, с чувством жгучего стыда. Меня не покидало ощущение дежавю. Фразу «В этой стране» я слышал так часто, что она превратилась в своего рода мантру, которая оправдывает любое поражение еще до начала битвы.

Чаще всего эту фразу повторяла моя мама. Когда в детстве я фантазировал, кем хочу быть, она постоянно обрезала мне крылья, приводив один весомый аргумент.

«Когда я вырасту, я стану полицейским. Буду ловить преступников и защищать слабых, ма».

«Хорошая мечта, Даня. Но я хочу, чтобы ты вырос хорошим человеком, а в этой стране хорошие люди в полицию работать не идут».

«Хочу стать режиссером, ма. Буду снимать фильмы и стану, как Тарковский».

«Интересная профессия, но Тарковский такой один, а неизвестных нищих режиссеров знаешь сколько? Это очень нестабильная профессия в этой стране».

«Хочу быть археологом и ездить на раскопки в Египет».

«Хорошая мечта, сынок, но вряд ли в этой стране этим можно заработать».

Я думал, что, когда окончу школу, мама даст мне веревку с мылом и с улыбкой скажет: «Это самый верный путь, сынок».

Но все было гораздо прозаичнее. В одиннадцатом классе я победил на областной олимпиаде по английскому языку и меня пригласили без экзаменов учиться в педагогический университет на факультет романо-германской филологии. Это был единственный более-менее приличный государственный вуз, где я мог бесплатно учиться. И я согласился, потому что платное обучение моя мама бы не потянула.

Так что профессию я, честно говоря, не выбирал. Как и большинство моих знакомых сверстников. Чаще всего они просто поступали абы куда, лишь бы учиться бесплатно, а что делать дальше – непонятно. Вообще, дожив до двадцати, я понял, что не знаю, чего хочу, и как будет развиваться моя жизнь, когда меня выпустят из стен родной альма-матер. У меня даже профессии нормальной не будет, только диплом с синей картонной обложкой и четыре года потерянного времени.

И что мне делать после универа, я вообще не представлял. Идти работать в муниципальную школу учителем английского? Это нищета, унылая серая жизнь и ненависть к работе.

Что касается моей мамы, то «в этой стране» она стала бухгалтером и всегда говорила, что это хорошая профессия, которая приносит деньги. Какие-то деньги мама и правда зара-

батывала, вот только на работу ходила, как на каторгу, и я ловил себя на мысли, что спустя несколько лет меня ждет та же участь.

***

– Привет! Ты же Нарек?

Я остановил в раздевалке невысокого парня кавказской наружности. Он был щуплый и слегка сутулый, с густой черной бородой, которая совсем не сочеталась с его детским и безобидным лицом. Окажись Нарек в толпе широкоплечих кавказцев-борцов, он бы выделялся среди них, как чихуахуа в стае волков. Парень, который выступал в «Открытом микрофоне», учился со мной в одном вузе. Я видел его чуть ли не каждый день в столовой, в коридорах, и сегодня после второй пары наконец решился подойти к нему.

Нарек забрал у гардеробщицы черное пальто и вопросительно посмотрел на меня.

– Видел тебя в последнем сезоне «Открытого микрофона», – сказал я, вспомнив видео, которое смотрел на паре. – Очень круто!

Губы Нарека разошлись в улыбке, и он коротко кивнул.

– Шутка про кавказскую семью вообще огонь! И как тебе в гостях у девушки предложили поесть на полу…

– От души! Вообще этот бит для второго этапа был еще смешнее, но его сильно порезали редакторы, и получилась

лажа. Впрочем, ты сам видел, что потом в финале меня слили.

Нарек накинул пальто и протянул номерок гардеробщице.

– Я, кстати, тоже выступаю в «Стендап-баре», – сказал я. – Может, видел меня в понедельник?

Нарек покачал головой, и интерес в глазах, с которым он на меня смотрел в первые секунды знакомства, сразу же пропал. Он развернулся и зашагал к лестнице, которая вела к выходу из университета.

– Я слышал, что вы собираетесь сегодня в «Кофемании», – сказал я, догнав его на ступенях. – Армен советовал к вам обратиться, чтобы вы мне с материалом помогли.

– Арик советовал? – В голосе Нарека послышалось то ли недоумение, то ли раздражение.

Несмотря на то, что я с ним разговаривал, мой новый знакомый и не думал останавливаться. Он продолжал идти, ускорив шаг, как будто меня рядом не было. А я спешил за ним.

– Ну да. Я это… написал новых приколов минут на десять. Хотел вам показать. Может, поможете, подскажете, как докрутить…

– Ну, если Арик сказал, то приходи, ага.

– Я Даня…

Я протянул ему руку, но Нарек, не обратив внимания, быстро проскочил через турникет мимо охраны и вышел из здания вуза через массивные деревянные двери. А я остался

стоять с вытянутой рукой, глядя ему вслед.

В груди зашевелился неприятный холодок. Не такого знакомства я ожидал, конечно. Надеюсь, что другие комики окажутся более приветливыми.

***

В кофейню я пришел за полчаса до назначенного времени – с распечатанными на бумаге новыми шутками.

Внутри практически никого не было. Трое студентов уткнулись в ноутбуки и почти не разговаривали между собой. За столиком у окна ворковала молодая парочка. Было очень тихо и спокойно. То, что надо для работы.

Я занял свободный столик и разложил перед собой листы с написанными монологами. От аромата свежеиспеченных круассанов меня клонило в сон, но я сосредоточился и начал перечитывать написанное. То, что мне казалось спорным, несмешным, нелепым, я подчеркнул красной ручкой и сделал пометки на краях листа.

Я занимался комедией всего два месяца, но очень быстро понял, насколько это изнурительный и местами просто каторжный труд! Чтобы придумать смешной монолог, приходилось основательно шевелить извилинами: крутить мысли так и сяк, стараться смотреть на жизненные ситуации под разными углами и находить в этих ситуациях что-то смешное.

Причем, смешное надо было находить во всем: в таксистах, в девушках, в родителях и даже в смерти!

Ожидая комиков в кофейне, я выпил первую кружку американо.

Вот только в оговоренное время никто не пришел.

Ни в семь ноль-ноль. Ни в семь-пятнадцать. Ни в семь-тридцать.

От недосыпа у меня уже гудела голова, и я боялся закрывать глаза, чтобы нечаянно не уснуть за столиком. Честно говоря, я слабо представлял, как буду писать шутки в таком состоянии.

Время шло, а комиков все не было.

Без двадцати восемь я написал в «Вотсапп» Армену. Он не ответил ни через пять минут, ни через двадцать пять.

Я осушил уже третий стакан американо и выпил бы еще, если бы у меня не кончились деньги. В полдевятого я расплатился за кофе и ушел.

Когда я подходил к автобусной остановке, взгляд зацепился за знакомые силуэты на противоположном конце улицы. Прямо через дорогу, на летней веранде «Макдоналдса», за столиком сидел Нарек в окружении других комиков. Я узнал их сразу: это были звезды «Стендап-бара», те, кто уже «засветился» на ТВ, под чьими именами на афише писали «Участник «Открытого микрофона» на ТНТ». Комики смеялись и о чем-то оживленно болтали. Их голоса звучали громче рева проезжающих машин.

Я смотрел на знакомые лица так долго, что не заметил, как передо мной по дороге пронесся курьер на желтом мопеде, окатив меня из лужи.

В этот момент я будто снова ощутил все то, что чувствовал на сцене в «Стендап-баре»: комок в горле, жжение в носу и острое желание провалиться под землю.

Смахнув с лица грязную влагу, я сел в первый подъехавший автобус.

***

На следующий день я проснулся с головной болью и ощущением горькой обиды. Чтобы не тратить время на общение со мной, «арменовские» комики собрались в грязном и шумном «Макдоналдсе», где не то, что писать шутки – общаться часто невозможно! И хрен с ними, переживу. Возможно, я и впрямь пока что не дорос до того уровня, чтобы «разгонять» шутки с опытными комиками. Или просто рылом не вышел для их звездной тусовки.

Плевать. Буду писать шутки сам и проверять их на открытых микрофонах. А смешные они или нет, пускай решают зрители.

После бессонной ночи я проспал до десяти часов и пропустил первую пару. В универ я приехал голодный и сразу отправился в буфет, чтобы унять урчание в желудке. Заказал куриную котлету с макаронами, овощной салат, компот – и

сел за столик около окна. Только я начал есть, меня окликнул женский голос:

– Привет!

Подняв голову, я увидел перед собой невысокую симпатичную девушку с темно-пшеничными кудрями. Большие светлые глаза смотрели на меня с живым любопытством, а на губах девушки играла легкая, смущенная улыбка.

Незнакомка училась со мной на одном курсе, но мы были в разных группах и пересекались только на редких общих лекциях. На моем курсе было девяносто с лишним девушек, и по именам я помнил дай бог, чтобы десять из них.

– Привет, – сказал я, пытаясь вспомнить, как ее зовут.

– Мариша, – напомнила она. – Слышала, ты выступаешь со стендапом. Я хочу прийти и посмотреть.

Я поглотил кусок непрожеванной котлеты и вопросительно взглянул на девушку. Признаться честно, я немного растерялся от такого неожиданного заявления. И мысленно проклял Оскара Петровича за то, что теперь весь курс знает о моем увлечении.

– А ты бывала раньше на открытых микрофонах?

– В «Стендап-баре».

Я вздохнул про себя. Значит, она видела на сцене профи. Рассмешить ее будет непросто.

– Но большинство комиков, которых я там видела, – сплошное уныние. Одни жалуются со сцены на свою несчастную жизнь, другие рассказывают однотипные приколы про

своих странных или глупых девушек. Скучные придурки, одним словом!

Она сказала это так, будто хотела меня ободрить, снять напряжение. И это сработало. После неловкой паузы Мариша наклонилась ко мне и добавила уже тише, по-дружески:

– А тебя мне хочется послушать, если честно. Ты вроде не похож на придурка.

– И странной или глупой девушки у меня тоже нет.

Мариша посмотрела на меня, и уголки ее губ потянулись вверх. Я отхлебнул немного компота из стакана, чтобы выиграть секунду на раздумье.

Я смотрел на девушку и не знал, как реагировать. Я категорически не хотел ее никуда звать, особенно после череды моих провалов на сцене. Но ко мне еще ни разу сами не подходили красивые девушки. И теперь Мариша была для меня чем-то, вроде белки в парке, которая подобралась слишком близко к людям: я боялся лишний раз пошевелиться, чтобы не спугнуть ее и не нарушить хрупкое волшебство момента.

– И, кстати, публика на выступлениях тоже часто попадается не очень, – продолжила Мариша, поняв, видимо, что разговаривать я больше не осмелюсь. – Придет компания малолетних гопарей, закажет самое дешевое пиво, а потом сидят с такими лицами, будто они хозяева жизни. И смотрят на комиков с таким высокомерием: давай, мол, рассмеши меня!

– И плевать, что ты месяц вымучивал эти три минуты смешного монолога, – наконец выдавил я.

Мариша снова улыбнулась – вероятно, от того, что я опять обрел способность говорить. Несмотря на миниатюрное и хрупкое телосложение, в её осанке чувствовалась собранность, а в цепком взгляде – ум и решительность

– Если хочешь, следующий открытый будет в пятницу, в семь вечера. Я забронирую тебе… нам столик.

Мариша кивнула, и мы обменялись номерами телефонов. Потом она заказала себе кофе и, попрощавшись, вышла из столовой. Я остался сидеть над тарелкой с остывшей недоеденной котлетой и макаронами. Вместо того чтобы порадоваться новому знакомству, я схватился за голову.

Глава 3

– Да я же опозорюсь там, на сцене! Ладно ты… ты постоянно видишь, как я выступаю в тишину. Но эта Мариша… скажи честно: это ты уговорил ее прийти ко мне? Вы с ней знакомы?

Кирыч покачал головой и трижды поклялся, что видит эту девушку впервые.

Мы сидели на лавочке возле главного корпуса университета. Весенний ветер, пахнущий талым снегом и свежей землей, гнал по асфальту прошлогодние прелые листья. Где-то вдалеке ревел мопедный двигатель. Возле ларька с шаурмой гомонили студенты. Они толпились в нетерпеливой очереди, смеялись, перекрикивали друг друга и музыку из чьего-то

телефона.

Кирыч достал из кармана айфон, и его пальцы заскользили по экрану.

– Не «Можно посмотреть?», а «Я хочу прийти и посмотреть!», – вспомнил я настойчивость Мариши. – Ишь ты!

– Ну так поставил бы ее на место! Мало ли, что она хочет. Кто из вас мужик?

«Она слишком красивая, и я не смог ей отказать», – подумал я, но признаваться в этом Кирычу мне очень не хотелось.

Мой друг, который сосредоточенно копался в телефоне, вдруг удивленно вскинул брови.

– Глянь, что нашел!

Он развернул ко мне экран айфона, и я увидел фотографию Мариши с ее страницы во ВКонтакте. На первом снимке она была в идеально скопированном костюме Майка Майерса из «Хэллоуина», застыв в характерной позе с большим кухонным ножом. Еще один образ – клоун Пеннивайз с накладным лбом и неестественно широкой зловещей улыбкой, нарисованной поверх ее собственных губ. Еще на одном фото Мариша была в черном парике и контактных линзах, с жутковатой точностью изображая девочку из «Звонка».

Дальше я увидел снимок, где Мариша стоит напротив высокого стеллажа. Он был уставлен пластиковыми фигурками-монстрами из фильмов ужасов восьмидесятых, девяностых и нулевых.

– Давай-ка я попробую поставить ей диагноз, – сказал Ки-

рыч, который вместе со мной с любопытством разглядывал каждое фото.

– Не вижу ничего плохого в косплее!

– За этим прячутся детские комплексы и глубокие психологические травмы. Или – еще хуже! – скрытая агрессия, – заключил он с непоколебимой уверенностью.

– Да ладно тебе нагнетать! Она очень хорошая!

Я взял у Кирыча телефон и начал изучать другие ее снимки, словно пытаясь найти подтверждение своим словам. К счастью, в профиле Мариши были и обычные «женские» фотографии. Вот она прижимает к груди огромный букет роз, утопая в них лицом. Вот позирует у зеркала в обтягивающем платье, подчеркивающем спортивную фигуру. Вот она у водной горки в аквапарке в изящном розовом купальнике.

Кирыч склонился над моим плечом и снова начал комментировать:

– Очень много селфи и студийных фото. Это хорошо. Твоя подруга явно ищет мужика!

Я посмотрел на Кирыча и сморщился. На последнем фото, которое попалось на глаза, Мариша стояла на фоне башен «Москва-сити» с взрослой женщиной в обнимку, очень похожей на нее.

– А есть фото с отцом? Нет? Хреново…

Я вернул Кирычу его айфон и показал другу средний палец.

– Да ладно, в целом, внешне она очень даже ничего, – ска-

зал он примирительно и сразу же добавил: – Для твоей лиги.

– Моей лиги?

Кирыч расплылся в широкой улыбке и махнул рукой, забей мол.

– А вообще, чего ты так переживаешь? Ты на эту девушку раньше даже внимания не обращал. Хочет прийти? Да ради бога! Мне же лучше, в кой-то веки не придется тратить вечер на ваш долбанный стендап!

Я пожал плечами.

– Или она тебе понравилась?

– Не знаю. Просто как-то очень неожиданно она на голову свалилась, эта Мариша, – сказал я.

– Ну, если в понедельник она не сбежит от тебя после шоу, значит либо ей понравился твой юмор… в чем я сильно сомневаюсь… либо ей понравился ты. Но если так, то я могу лишь посочувствовать.

Кирыч откинулся на спинку лавочки и устремил взгляд в почерневшее свинцовое небо. Где-то между огнями фонарей и последними алыми полосами заката мелькнула одинокая птица – может, ворона, может, просто клочок тени.

Кирыч, кряхтя, поднялся с лавочки и посмотрел на меня.

– Ну что, пойдем поможешь мне?

***

Друг привел меня к черному «Мерседесу», который сто-

ял недалеко от университета на парковке бизнес-центра. Я был не знаток автомобилей, но здесь даже профану было ясно: тачка неприлично дорогая. Черный металлический корпус завлекающе блестел и буквально просил к себе прикоснуться. Я увидел свое отражение в тонированных стеклах настолько отчетливо, что даже заметил небольшой прыщ на носу. Навскидку такая машина стоила миллионов пятнадцать, и мне было боязно даже стоять рядом.

А вот Кирыч держался с поразительной уверенностью и непринужденностью. Он подошел к капоту «Мерседеса», словно это была его машина, и выложил на него несколько пятитысячных купюр. Настоящих или фальшивых, было непонятно. Затем Кирыч вручил мне свой айфон и вытянулся напротив машины, широко раскинув руки.

– Улыбочку! – сказал я и принялся фотографировать друга рядом с дорогущей иномаркой.

Кирыч позировал и широко улыбался, напустив на себя вид счастливого и – самое главное! – успешного человека.

– А теперь, чтобы часы в кадр попали! – попросил он и поднял перед собой левую руку с золотыми (по крайней мере, с виду) часами.

Я нащелкал еще несколько фото, и мы быстро покинули парковку, чтобы не привлекать внимание охраны. После идиотской клоунады с деньгами на капоте я испытал почти физический, невыносимый жгучий стыд, похожий на ожог крапивы. Надеюсь, меня видело не так много прохожих!

Кирыч, напротив, был собой очень доволен. Когда мы дошли до автобусной остановки, он с улыбкой принялся разглядывать свежие фотографии себя любимого. Сегодня он выложит их в Инстаграм[1] – обработанные, неправдоподобно-глянцевые – и соберет сотни «лайков» от своих подписчиков.

Через несколько дней мой друг собирался провести свой первый бизнес-тренинг, и ему нужно было «прогреть» свою аудиторию в Инстаграме[2]. Целых шестьсот четырнадцать подписчиков, между прочим!

Я понятия не имел, что значит «прогреть» аудиторию. Но Кирыч подошел к делу с размахом, будто готовился не к тренингу, а к собственной коронации. В универе он появился в идеально сидящей рубашке Calvin Klein, новых джинсах той же марки. На запястье поблескивали дорогие отцовские часы. И в таком безупречном виде, выбритый до блеска, Кирыч потащил меня на парковку – позориться.

– А чья это машина хоть была? – спросил я, когда мы садились в автобус.

– Да так, знакомый один выручил. Дай бог ему счастья-здоровья.

За годы нашей дружбы я не помню ни одного дня, когда Кирыч не изобретал бы новый способ разбогатеть. То он скупал подержанные покрышки и пытался втюхать за тройную

---

[1] признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

[2] признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

цену. То привозил из Китая подержанные ноутбуки, выдавая их за «почти новые». То скупал всякий хлам на барахолках, а потом сочинял ему легенду и впаривал доверчивым коллекционерам.

Все эти авантюры Кирыч проворачивал с несокрушимой верой в себя, только озолотиться у него не вышло. Тогда он совершил кульбит и принялся раскручивать себя как бизнес-тренера. Психфак научил Кирыча с первого взгляда вычислять человеческие слабости и мастерски играть на них.

Кроме того, Кирыч посещал так называемую школу «Бизнес-юность», которая работала на базе нашего университета. Назвать это школой можно было с большой натяжкой: раз в неделю к нам приходил молодой человек по имени Павел Рубанов и целый час рассказывал, как стать богатым и успешным. Это был парень лет тридцати со светлыми ангельскими глазами, правильными чертами лица и ослепительно глянцевой улыбкой.

Курс занятий у Рубанова по «успешному успеху» стоил двадцать тысяч рублей. И Кирыч платил, как и еще несколько десятков наивных студентов.

Я решил проверить в Интернете, а был ли у самого Рубанова хоть какой-то успешный бизнес? Оказалось, что у этого «гуру» пару лет назад был магазин автозапчастей, который прогорел через год. А еще – онлайн-школа английского, просуществовавшая и того меньше. На этом список достижений заканчивался.

Зато у Рубанова был хорошо подвешенный язык, вера в себя… и поразительная наглость, которая позволяла совершенно беззастенчиво зарабатывать на наивных (но далеко не бедных) студентах, продавая им пустую болтовню под видом знаний.

Кирыч, по счастью, был умнее. Он ходил на тренинги Рубанова не за мотивацией или мнимыми знаниями. Он хотел научиться так же виртуозно разводить людей, как это делал его учитель.

И теперь Кирыч собирался провести свой бизнес-тренинг.

***

– А ты не думаешь, что фоткаться с машиной – это слишком тупо? – спросил я Кирыча, когда мы выбирали пиво в грязном зале «Пятерочки».

– Думаю. Но я не академикам собрался свои курсы продавать. Для обитателей «инсты» [3]– самое то. Ты что на закусь будешь? «Лейс» или «Желтый полосатик»?

Выйдя из магазина, мы свернули во дворы вблизи моего дома, звеня пакетом со стеклянными бутылками. Я жил на окраине города в типичном спальном районе. Время здесь, казалось, застыло где-то между советским прошлым и бесприютным настоящим. Облупившиеся хрущевки соседствовали с безликими панельками-«свечками». В окнах мерцал

---

[3] признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

тусклый свет, во дворах спали умиротворенным сном машины. Вечерело.

Мы с Кирычем пересекли вытоптанную тропу, которая петляла среди зарослей, и двинулись в сторону ветхих гаражей. Это было наше место силы. Здесь мы с Кирычем взрывали петарды в детстве, разбивали бутылки, пробовали сигареты, алкоголь и девушек. Вернее, Кирыч пробовал, а я в основном делал вид, что мне тоже интересно.

За гаражами нас ждала скамейка под навесом и массивное коричневое кресло, от которого разило сыростью. Не знаю, кто его оставил здесь, но кресло «разлагалось» в этом месте столько, сколько я себя помню. За годы у него истерлась обивка, а в продавленном сиденье зияла крупная дыра, из которой лезли клочья поролона. Внутри этого провала копошились муравьи и сороконожки.

Никто из нас садиться в это кресло не рискнул, естественно. Я опустился на скамью. Кирыч вытащил из пакета две бутылки темного холодного «Козела» и пачку «Лейс» со сметаной и зеленью. Прислонив горлышко к кирпичной стенке гаража, мой друг с тихим хлопком избавился от крышки. Всегда удивлялся, как ловко он это делает. Когда я открывал стеклянные бутылки с пивом, оно постоянно проливалась, пачкая мне руки. А Кирыч даже не замарался.

Он протянул одну бутылку мне, а вторую взял себе. Поднял над головой. Сказал:

– За молодость! За третий курс! За наше светлое, мать его,

будущее!

Мы чокнулись и выпили. Кирыч сказал:

– Кстати, о будущем… В следующее воскресенье, как ты помнишь, у меня будет первый бизнес-тренинг. Мне нужен личный ассистент. Надо помочь запустить таргет во Вконтакте, гостей рассадить, билеты у всех проверить и еще помочь по всяким разным мелочам. Поможешь? За процент от выручки, естественно.

– Мы много раз это обсуждали. Не хочу иметь ничего общего с инфоцыганами.

Кирыч нахмурился.

– Ты зря так к этому относишься. Мы ведь с тобой, по сути, одно дело делаем.

– Чего?!

Я уставился на друга с отвисшей челюстью и покрутил пальцем у виска.

– Ты и тебе подобные инфоцыгане – просто жулики! – сказал я то, что давно вертелось на языке. – Вы ничему не учите людей на этих ваших тренингах. Вы просто развлекаете наивных дурачков за их же бабки!

– Правильно! И ты, и я развлекаем людей. Что в этом плохого? Я же не силой у них деньги отбираю. Эти люди сами их приносят и еще «спасибо» говорят!

– Не убедил.

Кирыч вздохнул.

– Послушай, бро. Вокруг полно, как ты верно заметил,

наивных дурачков, которые мечтают открыть бизнес и стать сказочно богатыми. При этом у большинства таких мечтателей нет ни предпринимательской чуйки, ни даже элементарного понимания, что такое бизнес. Они просто ждут, что кто-то даст им волшебную палочку – и все! Бабки посыплются!

– Значит, на самом деле им не нужен бизнес. Они просто хотят разбогатеть, ни хрена не делая, – резюмировал я и глотнул немного горьковатого пива.

– Вот именно! И этим надо пользоваться, Даня! Человеческая тупость – это золотая жила! – продолжал настаивать Кирыч. – На идиотах можно миллионы зашибать! А ты этим не пользуешься!

– Не хочу. Обманывать. Людей, – отрезал я.

Кирыч насупился. Долгое время он молча наблюдал, как я пью, будто ждал, что алкоголь рано или поздно пошатнет мое упрямство. Потом друг положил мне руку на плечо и развернул меня к себе.

– Ты вообще думал, как будешь деньги после универа зарабатывать?

– Я говорил тебе позавчера.

Кирыч закатил глаза и посмотрел на меня снисходительно, как отец смотрит на несмышленого ребенка, который только что сморозил глупость.

– Твой юмор – это неизвестность, нестабильность, неустроенность и еще много всяких «не»! Тебе надо научиться делать бабки. Не работать, а именно делать деньги,

чтобы ни от кого не зависеть. А комедией, прости, ты вряд ли заработаешь.

Я смахнул ладонь Кирыча с плеча и, отвернувшись, замолчал.

На улице уже совсем стемнело, воздух стал прохладным и плотным. Из соседних дворов доносились приглушенные голоса и совсем изредка – собачий лай.

Тут у гаража недалеко от нас остановилась, сверкнув фарами, серая «девятка». Из машины вышел долговязый человек в засаленной камуфляжной куртке и черной шапке. Незнакомец повернулся в нашу сторону, и я услышал знакомый голос:

– Волошка, ты что ли? Да ладно, мля! Волошка, ёперный бетон!

Раздались приближающиеся шаги. Потом голос из темноты стал слышен еще более отчетливо:

– Внатуре ты! Здорово! Триста лет не виделись!

Незнакомец вышел на свет фонаря, и я понял, что не ошибся. Это был Вова Синявский, он же Синява, знакомый парень из моей школы. Он снял шапку, чтобы я получше разглядел его.

Синява был выше меня на голову, с большими оттопыренными ушами и коротким ежиком волос. В свете фонаря его физиономия жирно поблескивала от пота. На подбородке и щеках вразнобой торчали густые, как у насекомого, волоски, которые так и не оформились в нормальную бороду.

Мой старый знакомый учился со мной в одной школе, на два классе старше. Много раз его пытались выгнать за хулиганство. После девятого он сам ушел, а потом, по слухам, сел в тюрьму за драку в туалете торгового центра.

Синява очень долго смотрел на меня с расползающейся на лице улыбкой, словно оценивал, сильно ли я изменился. Потом подошел ко мне с протянутой ладонью. Я ответил на рукопожатие, и в тот же миг Синява резко дернул меня на себя. Мне пришлось вскочить со скамейки, чтобы не рухнуть на него.

Я помнил это так называемое рукопожатие еще со школы. Синява сперва притягивал меня к себе, потом заламывал руки мне за спину, а его приятель пробивал мне «лося» в лоб, после которого у меня сыпались искры из глаз.

В этот раз Синява так делать не стал. Но я все равно почувствовал холодный укол страха в животе.

– Как сам? – спросил мой старый знакомый. Его пальцы по-прежнему цепко сжимали мою ладонь. К физиономии прилипла идиотская улыбка.

Кирыч настороженно взглянул на появившегося незнакомца. Синява же моего друга будто не заметил.

– Нормально. Ты какими судьбами здесь?

– А я у своей дамы сердца тут живу, – сказал Синява и махнул рукой в сторону хрущевок за гаражами. – Вот пригнал оставить тачку у ее папани в гараже. Кстати, зацени, какие диски намутил. Кованые!

Синява вынул из кармана пачку «Ротманса». Я бросил взгляд на его ржавую помятую «девятку». На колесах отечественной машины поблескивали диски с логотипом BMW. Если честно, я не разделял восторга Синявы, но из вежливости поднял большой палец. Оставалось надеяться, что «намутил» означало «купил», а не то, о чем я подумал.

– А вы чего тут третесь, братцы-кролики? Бухаете?

Он посмотрел сначала на меня, потом на Кирыча и две бутылки «Козела» у лавочки. Закурил.

Я привычно отвернулся от едкого дыма и замахал перед собой рукой.

Кирыч молча сверлил взглядом Синяву, сжав губы. Лоб его прорезала глубокая морщина.

– Я слышал, ты в стендап подался, – обратился Синява ко мне. – Расскажи какую-нибудь шутку, а?

– Давай потом.

– А может, я на выступление твое сразу приду? Когда, кстати, ближайшее?

– Чувак, у нас тут важный разговор о нашем будущем, – вклинился Кирыч. – Не до тебя сейчас, прости.

Синява сдвинул брови и наконец заметил моего друга.

– Ты ничего не перепутал, мальчик? Будешь так базарить, никакого будущего у тебя не будет! Тебя вежливости поучить?

Кирыч мягко улыбнулся.

– Ну, попробуй.

Между ними будто кто-то рассек воздух плетью. Синява шагнул к Кирычу, сжав кулаки, но потом остановился, словно наткнулся на невидимую стену. Мой друг говорил подчеркнуто вежливо и спокойно, но в его глазах сверкнуло нечто такое, что остановило Синяву.

– Не дыми, пожалуйста. У Дани аллергия, – все так же вежливо попросил Кирыч, глядя новому знакомцу в глаза.

Синява посмотрел на него, потом демонстративно потушил окурок носком ботинка прямо передо мной. Губы его сжались в тонкую линию.

– Ладно, котята. Не болейте. Еще свидимся!

Синява удалился к машине и скрылся в темноте. Стало слышно, как он с гулким скрипом отворяет ворота гаража.

Кирыч повернулся ко мне и поднял бутылку с пивом, словно хотел поднять тост за то, что Синява нас покинул.

– Волошка? – Кирыч глянул на меня с кривой усмешкой.

– Заткнись.

Он улыбнулся и кивнул.

– Вот как ты это делаешь? – спросил я с нескрываемой завистью.

– Что именно?

– Буквально пару слов ему сказал – и он отстал. Мне бы пришлось подраться с ним. И я бы проиграл, скорее всего!

– Такие люди, как собаки, – жопой чуют, когда ты боишься. Тут важна уверенность.

В стороне от нас раздалось кашлянье мотора. Темноту

прорезал тусклый свет фар, и мы увидели, как покоцанная «девятка» резко, будто на взводе, дернулась с места и заехала в гараж.

– Мы бы вдвоем запросто его отметелили, поэтому он не полез, – сказал Кирыч, наблюдая за машиной. – Вот если бы он с корешами был, тогда пришлось бы туго, да. А что это за тип вообще?

– Да так, пацан из школы.

– Ты весь съежился, когда он подошел. Он издевался над тобой?

– Давай не будем, а?

– Ну ладно. Если что, он все еще здесь. А нас двое. И вокруг никого нет! – Кирыч заговорщицки подмигнул.

Я улыбнулся и сказал:

– Мне всегда было очень тяжело дать кому-то в рыло.

– Ты просто еще не встретил того самого человека! – рассмеялся он и поднялся бутылку пива, предлагая мне сделать то же самое.

Кирыч бросил еще несколько ободряющих фраз, потом мы снова чокнулись и выпили.

Долгое время мы сидели молча. Кирыч взял пачку с чипсами и, запрокинув голову назад, и высыпал оставшиеся крошки себе в рот. Спросил:

– Так что насчет того, чтобы поработать моим ассистентом?

– Нет.

– Да ладно тебе кочевряжиться! Я никому больше не доверяю так, как тебе. Надо немного поднажать, и все у нас получится. Деньги попрут!

Я покачал головой.

– А если тебе западло быть моим ассистентом, можем назвать тебя как-то иначе. Менеджером, падаваном, младшим тренером…

Я показал Кирычу средний палец.

– К тому же, ты у нас теперь стендапер. Сможешь проводить у меня семинары по публичным выступлениям! – не унимался друг.

Я улыбнулся, продолжая держать перед собой оттопыренный средний палец.

– Очень заманчивое предложение, но – нет. Спасибо, бро.

Кирыч вздохнул, и больше мы не возвращались к этой теме.

Глава 4

В субботу я проспал до самого обеда и проснулся от того, что мама постучала в мою комнату. Последние два месяца у меня сбился режим сна из-за большой нагрузки. Комедия отнимала уйму сил и занимала почти все мое свободное время. Весь день я проводил на парах, а по вечерам или писал шутки дома, или проверял их в «Стендап-баре».

Очень часто, работая над монологами, я засиживался за

ноутбуком до поздней ночи, а потом долго не мог уснуть, ворочаясь в постели. В голове роились тревожные мысли касательно моего будущего в юморе. Я занимался стендапом больше двух месяцев, и пока результаты были откровенно удручающими. Все мои монологи то и дело «заходили» в тишину, а хорошие шутки почти не рождались. Из-за этого я чувствовал уныние и неуверенность в себе. А может, юмор – это вовсе не мое? Может, лучше бросить это нафиг и заняться чем-нибудь действительно полезным?

Еще и Кирыч то и дело капал на мозги. «Комедией не заработаешь!». После такой «поддержки» с юмором и впрямь хотелось завязать.

Выйдя из своей комнаты, я зашел на кухню, где меня ждал остывший завтрак. Мама стояла возле раковины и отчищала микроволновку от жира влажной губкой. Я сел за стол и начал есть яичницу с охотничьей колбасой и поджаренным хлебом. За спиной у меня слышалось шуршание губки о металл, затем раздался шум бегущей из крана воды. Мама села напротив меня, вытирая руки кухонным полотенцем.

– Что-то случилось в университете? – спросила она. – Ты будто расстроен чем-то.

– В универе – все окей. Вне универа – тоже, – улыбнулся я, стараясь скрыть уныние на заспанном лице.

После недолгой паузы мама спросила:

– Тебе не очень нравится учиться?

– Нет, – честно признался я.

Она кивнула и отложила влажное полотенце в сторону. И хотя учиться мне категорически не нравилось, бросать вуз я не собирался. Для меня это была единственная возможность получить пусть и никому не нужный, но все равно диплом государственного образца, который потом поможет мне найти работу. Может быть.

– Тебе надо найти любимое занятие, которое будет приносить и удовольствие, и деньги, – сказала мама. – И это необязательно должна быть работа по профессии, которая указана в дипломе.

– Знаю.

– Вот, к примеру, наш сосед Сережа, сын тети Марины, получил юридическое образование. Но по специальности работать не пошел – машины ремонтирует. Тетя Марина в ужасе, столько времени и денег в учебу вбухали! А Сережа довольный, он с детства любит в машинах ковыряться и ничем другим заниматься не желает. И при этом хорошо зарабатывает!

– Ма…

– Или другой знакомый, сын моей коллеги, в КВН играл в университете. Сейчас известный свадебный ведущий в городе…

– Я терпеть не могу машины и КВН.

– Неважно, суть ты понял. Главное, пойми, что тебе нравится и развивайся в этом. А еще лучше – найди людей, которые занимаются тем же самым.

«На самом деле я уже нашел то, что мне нравится», – подумал я. – «А вот с единомышленниками все куда сложнее».

– Где же мне найти таких людей, мамуль?

Она пожала плечами.

– Чаще выходи на улицу, знакомься с новыми людьми, общайся. Кстати, почему ты не рассказываешь мне о своей девушке?

Я перестал жевать и удивленно посмотрел на маму.

– Что?

– Ты просто часто стал куда-то уходить по вечерам. А раньше больше времени дома проводил, книжки читал или играл в компьютер. Я подумала, что ты нашел себе кого-то.

– Мам, как только кто-нибудь появится, я обязательно тебе скажу. Но пока мне тебя нечем порадовать.

Мама улыбнулась и погладила меня макушке. Про стендап я ей пока что ничего не говорил. Я боялся, что она воспримет мое увлечение, как Оскар Петрович, и посоветует «не заниматься ерундой и сосредоточиться на учебе». А объяснять маме и остальным, что эта «ерунда» в будущем может стать хорошо оплачиваемой и, главное, любимой работой, было утомительно и часто – бессмысленно. Когда начну делать первые успехи в юморе, тогда и расскажу маме, где я пропадаю по вечерам.

– А как у Кирилла дела? – спросила мама. – Что-то он давно не заходил.

– Да вроде все отлично. Как всегда: пытается разбогатеть.

– Я как раз об этом и хотела у тебя спросить. Кирилл не может взять тебя к себе на работу? Чем он, кстати, сейчас занимается?

– Учит людей, как стать успешными, – сказал я мрачно, вспомнив наш вчерашний разговор за гаражами.

Мама посмотрела на меня, нахмурившись.

– А может, он тебя научит? По-дружески, так сказать.

Я улыбнулся и быстро объяснил ей, кто такие инфоцыгане и почему я не хочу в это ввязываться.

– А почему ты вдруг заговорила о Кирыче и о работе? – спросил я.

Мама поджала губы, будто не хотела говорить.

– Меня сегодня попросили написать заявление по собственному…

Я оторвался от тарелки с яичницей и посмотрел на маму с волнением.

– Ничего такого. Просто у нас сменилось руководство, и новый начальник собирает новый коллектив. Под себя. Это нормально…

Я сглотнул.

В голосе мамы чувствовалось непоколебимое спокойствие. И это восхищало.

– Меня уже пригласили в другое место, и я согласилась… поработать там какое-то время. Платят немного, но других вариантов пока нет.

Она положила ладонь на мою руку, которая лежала на сто-

ле. Потом погладила меня по щеке.

– В общем, я хотела попросить тебя поискать подработку. Не на весь день, а буквально на несколько часов, чтобы учеба не страдала. Репетиторство, к примеру. Ты же можешь найти учеников и заниматься с ними английским по «зуму» или «скайпу»?

– Теоретически – могу, конечно, но…

– Но что?

«Но тогда у меня совсем не останется времени на стендап», – подумал я, но вслух сказал другое:

– Мне нужно какое-то время, чтобы найти учеников и наработать базу. Но я закину сегодня объявление на «Авито», поспрашиваю у знакомых. Может, кто-то ищет репетитора.

– Спасибо, дорогой. Ты нас обоих очень выручишь, если найдешь работу.

Мама подошла ко мне, обняла за плечи и погладила по голове. От ее рук приятно пахло моющим средством с облепихой и табаком.

Мне сразу вспомнились слова Кирыча, которые он сказал после моего очередного провального выступления. Что я живу с мамой на всем готовом и ни о чем не беспокоюсь. Если посмотреть на мою жизнь со стороны, то получается… что так оно и было. Я как будто упустил момент, когда нужно было стать ответственным и самостоятельным. Или просто жизнь никогда не подбрасывала мне трудностей, которые заставили бы рвать жилы и учиться жить самостоятельно. Зна-

чит, пришла пора начать.

***

На выходных я разместил объявление на «Авито» и еще нескольких профильных сайтах, чтобы найти учеников для занятий английским. Я решил, что буду репетиторствовать либо устроюсь на любую другую посильную мне удаленную работу.

Бросать при этом юмор я, конечно же, не собирался. По моим прикидкам, работа будет занимать у меня от силы несколько часов в день, а остальное время можно будет посвящать стендапу. Пусть даже я буду спать не восемь часов, а пять-шесть. К тому же, на открытые микрофоны ходит много взрослых комиков, и они как-то умудряются совмещать «нормальную» работу и любимую.

Все выходные я сочинял новые шутки для предстоящего открытого микрофона в «Стендап-баре». Впервые за два месяца я забрел в творческий тупик. Я оказался один на один с чистым «вордовским» листом и очень долго не мог выдавить из себя ни одной шутки. Не то что шутки – даже мало-мальски интересной мысли в голову не приходило! С утра до вечера я сидел за монитором ноутбука, отчаянно выискивая хоть какую-то зацепку для монолога.

Что меня волнует больше всего в жизни? То, что у меня нет папы? По большому счету, мне плевать. Папа ушел из

семьи, когда мне не было и года. Мама шутила, что он так много курил, что оставил мне в наследство аллергию на табачный дым. К тому же, очень многие комики уже исследовали тему безотцовщины вдоль и поперек. И вряд ли я смогу сказать здесь что-то новое.

Что еще? Отсутствие девушки? Досадно, но не могу сказать, что я страдаю из-за этого. Ну нет и нет. Появится когда-нибудь. Опять же, очень многие уже шутили на эту тему.

Что еще? Смерть бабушки два года назад? Еще как волнует, но действительно смешно шутить о смерти я пока не научился. Чтобы находить смешное в таких сложных темах, надо быть мастодонтом комедии, вроде Луи Си Кея или Джорджа Карлина. Пока что мне надо научиться лепить куличи в песочнице, а уже потом замахиваться на песочные замки.

Вот так, варясь с собственных мыслях и переживаниях, я просидел дома все выходные и выжал из себя целых пять минут нового материала. В понедельник Мариша написала, что придет ко мне на выступление, как и обещала.

В день «икс» я пропустил последнюю пару и поехал в «Стендап-бар» пораньше, чтобы подготовиться к выступлению до прихода Мариши.

***

Заведение Армена, будто под копирку, повторяло интерьер американских стендап-клубов. В главном зале было ми-

нимум ремонта и максимум напоминаний, что это не просто бар, а место, где рождается комедия. Слева от сцены на стене был нарисован в виде граффити портрет Джорджа Карлина, иконы американской комедии. На другой стене висели портреты Луи Си Кея, Билла Бера, Криса Рока, Эдди Мерфи, Джимми Карра и еще нескольких мировых звезд стендап-комедии. В самом конце зала располагалась маленькая сцена с бордовой шторой и стойкой с микрофоном. Ничего лишнего – только комедия.

Перед сценой в несколько рядов были расставлены круглые черные столики. За них в случайном порядке рассаживали зрителей. Обычно гости собирались на открытый микрофон за полчаса до начала шоу, чтобы заказать выпивку, закуски и не отвлекать комиков. Но если кто-то делал заказ уже во время стендапа, официанты подходили к столику на цыпочках, а гость обращался к официанту шепотом.

Когда я вошел в зал, в баре еще никого не было. Только официантка неспешно протирала столики влажной тряпкой. Из-за стойки доносилось мягкое позвякивание – это бармен перебирал и расставлял бутылки на полке с алкоголем. В нескольких шагах от сцены располагалась гримерка, где комики ждали выхода на сцену. Дверь в гримерку была приоткрыта.

Войдя внутрь, я поморщился: воздух был невыносимо душным и густо пропахшим перегаром, словно в гримерке пьянствовали с самого утра. У стены стояло большое зерка-

ло, обклеенное фото резидентов «Стендап-бара».

На черном кожаном диване сидели Нарек и Георгий Сергеевич Тепляков, высокий сорокалетний мужчина с аккуратной стрижкой, в очках и черном пиджаке. Не Гоша, не Жора, а именно Георгий Сергеевич. Он работал преподавателем в техникуме, а по вечерам шутил про своих не шибко умных и способных, но очень хулиганистых студентов.

В двух шагах от этой парочки наливал себе в рюмку виски на стеклянном столике старик Кузьмич. Ему было пятьдесят с хвостиком, но из-за хронического алкоголизма он выглядел так, словно выпросил у Господа Бога еще один вторник. У Кузьмича было желто-землистое лицо, изрытое морщинами, и редкие седые волосы, которые всегда торчали вразнобой. Один глаз у старика косил в сторону, и из-за этого он выглядел на сцене жутковато.

Всю эту троицу уже показывали по телевизору, и сегодня Армен пригласил их на шоу молодых комиков, чтобы разбавить беспомощные выступления новичков.

Заметив меня в гримерке, веселящиеся комики вдруг резко замолчали. И без того тяжелый душный воздух в помещении как будто накалился еще сильнее.

– У нас тут это… праздничный фуршет по поводу его четвертого телеэфира, – сказал Нарек и указал на Георгия Сергеевича.

Я бросил взгляд на большой плоский экран телевизора, который висел на стене. Показывали «Камеди баттл». Геор-

гий Сергеевич на фоне пестрых декораций рассказывал жюри свои шутки, оживленно размахивая руками.

– Выйди, пожалуйста! – попросил Георгий Сергеевич.

– Но эта гримерка абсолютно для всех комиков, и я могу сидеть здесь, сколько захочу, – возразил я и положил рюкзак на край дивана.

Георгий Сергеевич тяжело вздохнул.

– Она для комиков, ага. А ты-то тут при чем?

Губы его искривила желчная усмешка. Сидящий рядом Нарек захихикал.

В этот момент старик Кузьмич опрокинул в себя рюмку виски на стол и, слегка шатаясь, поковылял ко мне. Он по-отечески похлопал меня по плечу. Сказал:

– Ну шо ты, в самом деле? Просят же намальна! Выйди!

Я скривился: от него тянуло перегаром. У Кузьмича не было передних зубов, поэтому он шепелявил.

– У нас тут это… своя атмоффера, – добавил старик.

Георгий Сергеевич достал из кармана пачку «Ротманс». Демонстративно сунув сигарету в рот, он с наслаждением щелкнул зажигалкой и посмотрел на меня с ядовитой улыбкой. Комната наполнилась едким сигаретным дымом.

Выругавшись, я поднял с дивана свой рюкзак и быстрым шагом удалился из гримерки.

***

– Привет! А ты чего такой смурной? Все хорошо?

Мариша пришла без пяти семь и застала меня в коридоре: я ходил туда-сюда с листком бумаги, повторяя монолог. У меня чесалось лицо и слезились глаза. Я выпил две таблетки «Зодака», но препарат пока что не подействовал. Похоже, что сегодня мне придется выходить на сцену с опухшим лицом и говорить (вернее, гундосить) в микрофон с заложенными носом.

– Садись пока за тдетий стодик. Я сейчас…

Мариша, не сказав ни слова, удалилась в зал, а я вышел в туалет, чтобы умыться и привести себя в порядок. Перед выступлением я чувствовал привычное холодное покалывание в животе. Я несколько раз повторил новый материал и отрепетировал все, что буду рассказывать. Теперь главное – ничего не забыть на сцене. Оставалось надеяться, чтоб охранник сдержал слово и не пропустил Синяву на этот открытый микрофон.

Повторив монолог про себя несколько раз, я вернулся к Марише и заказал нам пиво с закуской. В зале уже собрались зрители, заняв почти все столики. Из динамиков на сцене играла песня «Stroner» Канье Уэста. На моей спутнице было симпатичное голубое платье, которое я очень долго разглядывал, а после сделал робкий комплимент:

– Кдасивое.

– Спасибо!

Несколько минут мы с Маришей болтали обо всякой ерун-

де. Потом музыка затихла, и в зале погас свет. По сцене забегали круги света от прожекторов. Под аплодисменты на сцену вышел Нарек и помахал гостям рукой.

– Привет, народ! У нас сегодня шоу молодых комиков. Перед вами выступят ребята, которые делают первые шаги в комедии. А это значит что?

Он выдержал паузу и обвел многозначительным взглядом зал.

– Все верно: вечер будет то еще дерьмо! Крепитесь!

Среди гостей послышались смешки. К нашему столику подошел официант и поставил два бокала со светлым пшеничным пивом и блюдце с фисташками.

– В любом случае спасибо, что пришли поддержать друзей-комиков, – продолжил Нарек. – Возможно, кто-то из них скоро попадет на ТНТ, станет суперзвездой, зазнается и перестанет с вами здороваться. А теперь похлопайте, кто первый раз на открытом микрофоне?

Откуда-то из конца зала донеслись аплодисменты.

– Открытый микрофон – это вечер комедии, где комики проверяют новые шутки, – объяснил Нарек. – Еще раз: ПРОВЕРЯЮТ! Пожалуйста, ничего не выкрикивайте и не перебивайте комика. Если не смешно, не надо кричать из зала: «Не смешно!». Комики не тупые – сами поймут.

В зале опять раздался смех.

– А теперь давайте немного пообщаемся. – Нарек подошел к краю сцены и спросил парочку, которая сидела за од-

ним из ближних столиков: – Как вас зовут? Как вы вообще сюда попали?..

Дальше ведущий стал знакомиться с гостями, чтобы «разогреть» их и расположить себе. Нарек заводил непринужденные беседы со зрителями и каждый диалог заканчивал хлесткой шуткой. Не знаю, как у ведущего это получалось, но люди начинали хохотать едва ли не после каждой его фразы. Для меня это было сродни волшебству. Разинув рот, я наблюдал, как Нарек играючи веселит зал, и чувствовал подступающую к горлу зависть. Умеет он работать с публикой, чего уж там!

В какой-то момент Нарек бросил взгляд на один из столиков возле сцены, за котором сидели пятеро кавказцев. У них на столе стояли три бутылки водки, две пустые, третья – наполовину полная. Рядом была огромная тарелка с сыром, картошкой фри, фисташками, чесночными гренками, вяленым мясом и разной зеленью.

Эти гости были, как две капли воды, похожи друг на друга: короткие стрижки, хмурые лица, взгляды исподлобья. Кавказцы шумно общались за столиком, пили и закусывали, а происходящее на сцене им, похоже, было до лампочки.

Нарек это почувствовал и осторожно обратился к сидящим:

– Здоров, бойцы! А кто из вас смотрящий?

Вся компания непонимающе уставилась на ведущего, потом один из них спросил:

– Чего?

– Вы смахиваете на ОПГ. Мне надо вас бояться?

Откуда-то из глубины зала донесся сдавленный смешок. Остальные гости хранили молчание.

– За языком следи, уцы. И все нормально будет, – подал голос самый старший из компании. Было слышно, что у него немного заплетается язык.

В зале повисла тягостная тишина.

Человеку, который это сказал, было лет сорок на вид, и он выглядел самым старшим в компании. Незнакомец смотрел на ведущего, откинувшись на спинку стула, и перебирал деревянные четки пальцами. Он был единственным среди своих приятелей в рубашке, остальные носили черные бесформенные балахоны, словно только что пришли с тренировки. Говорил старший подчеркнуто вежливо, но от него волнами исходила холодная неприязнь.

Нарек улыбался и старался сохранять невозмутимый вид, но в глазах ведущего стало заметно напряжение.

– Как вас зовут? – обратился Нарек к старшему.

– Хызыр, – откликнулся самый старший, который теребил четки в руке. – Со мной – Амат, Сурен, Казбек и Азнавур.

– Тогда вам будет сложно, парни, – вздохнул Нарек. – В зале много русских, они точно не запомнят ваши имена!

Никто не засмеялся. Зрители словно почуяли опасность и разумно предпочли держать рот на замке.

Хызыр продолжал смотреть на ведущего с пресной фи-

зиономией. Его приятели тоже молчали. Нарек обвел взглядом зал, словно искал поддержки у зрителей, а потом помахал рукой товарищам Хызыра.

– А что насчет ваших друзей? – обратился ведущий к компании кавказцев. – Здравствуйте, господа! Как вас зовут? Вы как вообще попали к нам? Вы гости комика?

– Гости, ага! Почетные! – выкрикнул один из «борцов», и вся компания захохотала.

Я с волнением посмотрел на Маришу, и она глазами показала, что ей тоже очень не нравится происходящее. Похоже, вечер будет сложный.

– Давай шути уже, уцы! – сказал старший, слегка повысив голос. – Мы посмеяться хотим! Только нормально шути, заебал, а не как щас!

Глаза Нарека забегали по залу. Обычно с гостями-«несмеянами» ведущий пытался как-то наладить контакт, разговорить их и вызвать если не смех, то хотя бы улыбку. Но от этого зрителя Нарек сразу решил держаться подальше, как от гремучей змеи. Он потоптался на сцене и выдавил в микрофон самое нелепое и беспомощное, что только мог сказать:

– Ну, раз вы просите, поехали! Открытый микрофон!

Раздались жидкие аплодисменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.